

Ж. М. Омашева

Караганда, Казахстан

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена изучению устойчивых выражений в русском и казахском языках. Автор на примере денотативного аспекта устойчивых выражений растительной тематики выявляет культурные представления русского и казахского народов.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *фразеологизмы, русский язык, казахский язык, межкультурное общение, сопоставительное языкознание, устойчивые выражения, названия растений.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Омашева Жанар Магауяевна, старший преподаватель Карагандинского государственного медицинского университета.*

Адрес: Казахстан, Караганда, ул. Гоголя, 40.

E-mail: omzhan@mail.ru.

Zh. M. Omasheva

Karaganda, Kazakhstan

SET PHRASES IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

ABSTRACT. *The article is devoted to studying set phrases in Russian and Kazakh. The author reveals national and cultural cognitions of the Russian and Kazakh people by the example of denotative aspect of set phrases including names of plants.*

KEYWORDS: *phraseological units, Russian language, Kazakh language, intercultural communication, comparative linguistics, set phrases, plant names.*

ABOUT THE AUTHOR: *Omasheva Zhanar Magauyaevna, Senior Lecturer, Karaganda State Medical University.*

«Культурное многообразие современного человечества увеличивается, и составляющие его народы находят все больше средств, чтобы сохранять и развивать свою целостность и культурный облик. Эта тенденция к сохранению культурной самобытности подтверждает общую закономерность, состоящую в том, что человечество, становясь все более взаимосвязанным и единым, не утрачивает своего культурного разнообразия. В контексте этих тенденций общественного развития становится чрезвычайно важным уметь определять культурные особенности народов, чтобы понять друг друга и добиться взаимного признания» [Грушевицкая 2003: 5].

Процессы межкультурной коммуникации реализуются, как правило, посредством конкретного языка, хранящего информационные базы этнокультуры. Поэтому именно слова и выражения, с помощью которых строятся и передаются сообщения, определяют характер возникновения и функционирования семиосферы культуры, ее ценностно-смыслового пространства.

В разных культурах существуют свои представления о тех или иных предметах, явлениях. Эти культурные представления проявляются в различных стилистических коннотациях слов. По мнению Г. В. Токарева, «коннотации входят в импликационал значения, образуя тем самым отдельный его компонент, который, несмотря на неоднородность своего содержания, является частью прагматического блока, поскольку формирующие его смыслы возникают в результате использования знака членами лингвокультурной общности» [Токарев 2003: 57]. Например, *васильковое слово* — образное выражение, возникшее в творчестве С. Есенина. Для Есенина *василек* — полевой цветок, цветок родных мест. Коннотативное значение становится основным: *цветок родных мест*.

«Национальное своеобразие фразеологии как отражения мировосприятия народа проявляется преимущественно в ее образно-мотивационных основах. Анализ образной основы фразеологизмов является важным звеном реконструкции различных фрагментов картины мира, специфичных для той или иной лингвокультурной общности» [Дапчева 2006: 82]. Благодаря национально-культурным признакам, присутствующим во фразеологизмах, со всей полнотой проявляются экспрессивные качества, специфика образности речи того или иного народа. Анализ опорных компонентов способствует выявлению символов и эта-

лонов, используемых для обозначения состояния человека, его действия, отношения к жизни и многое другое. В качестве опорных компонентов, обозначающих названия растений в русской культуре, представлены слова: *ромашка, репей, белена, перец, полынь, редька, капуста, одуванчик, хмель, трава, ягода*. Например, *гадать на ромашке; белены объелся* (обезумел); *здать перцу* (распекать, ругать); *как горькая редька* (невыносимо сильно надоест), *как капусту рубить* (на мелкие кусочки, части); *хмель вылетел* (отрезвел); *хоть трава не расти* (полное равнодушие к чему-либо); *божий одуванчик* (о людях преклонного возраста); *тише воды, ниже травы* (робкий, скромный, незаметный), *одного поля ягоды* (схожие, одинаковые); *привязался как репей* (попух представлен символом навязчивости, так как цветки лопуха с созревшими семянками цепляются за одежду проходящего человека, за шерсть животных и разносятся на значительные расстояния).

Национальная самобытность языка получает яркое и непосредственное проявление и в пословицах и поговорках. Следует отметить, что пословицы и поговорки, как и фразеологизмы обладают культурно-национальной спецификой. В пословицах и поговорках отмечены концептуальные коннотации дескриптивного, интенсивного, эмотивного характеров. Например, как пищевое растение *мак* повсеместно выращивался с незапамятных времен. Его семена, содержащие большое количество приятного на вкус жирного масла, белков, сахара, были излюбленным лакомством; коржики, калачи и пироги с маком — принадлежность русской кухни: *«Черен мак, да бояре едят. Рад Яков, что пирог с маком. Мачок с медом — усы оближешь»*. Однако в народе бытовало несколько пренебрежительное отношение к маку, как к баловству, неглавной культуре: *«В кармане-то мак, а в другом-то и так»*. *«Семь лет маку не родило, а голоду не бывало. Сеяла баба мак: уродится — так мак, а не уродится, ин и так»*.

Ряд пословиц содержат сравнение: *Чужая жена — лебедушка, а своя — полынь горькая*. В славянской культуре, в том числе и у русских, *полынь обыкновенная* считалась символом печали и страданий, недаром её называют «вдовой травой».

Результаты восприятия окружающего мира казахского народа мы находим также в устойчивых сочетаниях, пословицах и поговорках. Наиболее древние из них встречаются у Махмуда Кашгарского в «Диване», и указывают на связь растений с человеком, лошадью: *«Иірі болса ер өлмес»* (букв. «будет аир, моло-

дец не умрет»); «*Аңдыз болса ат өлмес*» (букв. «будет девясил, лошадь не помрет»). В жизни кочевников слово *лошадь* ассоциировалось со многими понятиями: конь — средство передвижения; конь — товарищ и помощник в хозяйстве; конь — честь и гордость джигита, крылья его души и. т.д.

С лекарственными растениями казахи связывали надежду на выздоровление и благополучие, и даже отчаяние: «*Жалбыз жерде жан қалар*» (букв. «где мята, там и жизнь»); «*Айналайын жалбызым, қасиетінді білгенде, өлмес еді жалғызым*» (букв. «родная мята, знала бы твои свойства, не умер бы мой единственный»).

Лук, чеснок также считались действенным средством от разного вида болезней: «*Сарымсақты жедін бе, сырқатыма ем дедің бе?*» (букв. «когда ел лук, думал ли о его лекарственном действии?»). Лук, по представлениям казахов, служит символом родной земли, а его горечь признается сладкой: *Туған жердің жуасы да тәтті*. (букв. «на родной земле и лук сладок»). Образ *лука* может выступать как в положительном, так и в отрицательном значении. Так, выражение *Жолына жуа шықсын* (букв. «пусть на твоём пути вырастет лук») означало проклятие человеку.

Тоска по Родине, родным местам, народу наиболее ярко выражена в пословице «*Көлден кетсе, жалбыз мұң. Елден кетсе, жалғыз мұң*» (букв. «вдалеке от озера страдает мята, вдалеке от народа страдаешь от одиночества»).

Кочевой образ жизни казахов отражает содержание пословицы «*Сасыр басы сарғая, ел көшеді жайлауға*» (букв. «с цветением ферулы народ переезжает на джайлау»). В самосознании казахов слово *джайлау* приобретает дополнительное значение — понятие родного дома, Родины.

В пословицах и поговорках наиболее часто встречается сравнение. Через сравнение народ выражает свое отношение к окружающим людям, предметам: «*Жаманның тілі ащы, көк мияның гүлі ащы*» (букв. «у плохого язык горький, у солодки цветки горьки»), «*өтірік — қаңбақ, шын — салмақ*» (букв. «ложь легка, правда тяжела»); «*Бетегеден биік жусаннан аласа*» (букв. «выше типчака, ниже ковыля») — тише воды, ниже травы; *арпа ішінде бір бидай* (букв. «зерно пшеницы среди ячменя, т.е. необычный среди людей»); *ебелек қағу*. (букв. «колыхаться как трава») — суетиться; *қоғадай жапырды*, т.е. погубить, уничтожить (в выражении отсутствует прямое значение слова *қоға* (рогоз). *Желкек қағады*. Выражение употреблено в переносном смысле, поэтому лексема *желкек* не означает *козлотородник*, а означает проявлять нетерпение, сует-

тяться. *Көзге шөп салу* (букв. «совать соломинку в глаза») — навредить кому-л.; вводить в заблуждение. *Шөп басын сындырмау* (букв. и травинки не сорвать) — совсем ничего не делать. *Ши шықты* (букв. вырос чий) — случился скандал.

Названия растений в сочетании с различными словами, образуют устойчивые сочетания, компоненты которых входят в подчинительную связь без аффиксов. Первые компоненты этих сочетаний — образы сравнений, вторые — предметы сравнений. Например, *бидайша құырды* (букв. «зажать, как кречет в когтях») — дать нагоняй, сделать строгий выговор; *ебелектей көшу* (букв. «переезжать словно рогач, т.е. быстро»), *қаңбақтай жеңіл* (букв. «легкий как качим»), *қырмыздай ажарлы* (букв. «красивая как “ноготки”»), *шоңайша жабысты* (букв. «привязался как репей, т.е. надоесть»). *Зығыры қайнады* — разозлиться. В данном выражении *зығыр* означает не *лен*, а — возмущение, злость; *сұнғыла қыз* (букв. «девушка-заразиха») т.е хитрая девушка. Негативная оценка связана с тем, что растение легко становится сорняком в любом месте; *шөп желке* (букв. «затылок, как травинка») — девчужка; *қырмызы қызыл* (букв. «ярко-красный») — цветущий, красивый (о юноше, девушке); *қияқ мұрт* (букв. «усы словно осока») — тонкие усы.

Таким образом, устойчивые выражения растительной тематики в русском и казахском языках передают фрагменты картины мира в языке, в которых закрепился опыт познавательной деятельности человека в процессе освоения окружающей действительности. Названия растений, упоминаемые в устойчивых выражениях, становятся важными концептами в культуре народа.

ЛИТЕРАТУРА

Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / под ред. А. П. Садохина. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с.

Дапчева И. Фразеологизмы, обозначающие интеллектуальные свойства человека в болгарском и русском языках // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2006. С.172–181.

Токарев Г. В. К вопросу и типологии культурных коннотаций // Филологические науки. — 2003. № 3. 125 с.